

Елена Добрынина

Ретрит

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д55

Добрынина Е.

Д55 Ретрит / Елена Добрынина. – М.: Литнет, 2026. – 374 с.

ISBN 978-5-521-98498-5

Что связывает костюмершу рядового столичного театра Мари, отправившуюся в командировку в Петербург и переживающую некрасивое расставание с возлюбленным – звездой театральной сцены Германом Кором, с молодым и привлекательным князем Дмитрием Васильевичем Арсеньевым – влюбчивым, пылким юношей, живущим идеалами чести и доблести в самом начале «золотой» эпохи русского дворянства – в первой четверти XIX века? Казалось бы, ничего. Однако между ними двести лет и одна давняя история, которую девушке и предстоит узнать. Только понравится ли это самой Маше?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98498-5

© Литнет, 2026

© Добрынина Е., 2026

*«Душу – Богу,
сердце – даме,
жизнь – Государю,
честь – никому»*

Глава 1. Разговор за кулисами

– Когда уже ты скажешь ей? – Услышала Мари капризный шёпот за тяжёлой портьерой, у самого выхода на сцену.

Переговаривались двое, судя по голосам, – мужчина и женщина. Мари притормозила, не желая выдать себя. Она несла костюмы после примерки в свою клетушку и решила «срезать» путь, пробежав через сцену. Как оказалось, на свою голову.

– Скоро. Ну, потерпи, дорогая моя! Моя муза, моя прекрасная дама! – Шептал мужчина страстно. – Опять же, нужно съехать из центра в твои Кузьминки.

– Пока ты решишь этот вопрос, год пройдёт. – Прошипела женщина за шторой.

Мари поморщилась, так это выглядело пошло, но спустя секунду до неё вдруг дошёл весь ужас услышанного – девушка узнала обладателя баритона с чувственной хрипотцой. В сердце ее словно нож воткнули. Даже дышать стало больно и Маша замерла, осознавая, что за портьерой, в темноте сцены прятался Герман, да, судя по всему, не один. Почти сразу же пришла догадка, кого он так страстно называл музой.

В их театре была только одна муза. Прима, королева сцены. Все эти эпитеты принадлежали Полин Арно. Значит, слухи о том, что Герман ухлёстывал за ней – правда. А она, Мари, всё не верила, отбрасывая от себя даже мысль, что обожаемый ею до дрожи в ко-

лениях Герман Кор, он же Гена Картошин по паспорту и ведущий актёр театра по трудовой книжке, может путаться с актрисулькой Полиной, только-только переведённой из второго состава в основную по причине ухода ведущей актрисы в другой театр.

Поговаривали, что Поля действует по упрощённой схеме, прыгая из койки в койку покровителей, но именно в этом случае Арно перевели от безысходности. Несмотря на то что служителей Мельпомены по столице как собак нерезаных, найти на самом деле достойную, талантливую актрису на роль ведущей – если и достижимо, то совершенно точно трудноисполнимо. Вот и взял их худрук ту, что вроде бы неплохо играла на заменах.

Маша так и стояла бы за кулисами с охапкой костюмов в руках, тормозя, если бы не зычный рёв главрежа, который искал любимого ею Германа. Тот испуганно зашевелил тяжёлой тканью, путаясь в ней и пытаясь выбраться на свет Божий.

– Иду, Иван Денисович, иду! – Холодно и надменно отозвался он и продефилировал со сцены в зрительный зал.

Машу, притаившуюся за кулисами, Герман не заметил. Полина ещё возилась за толстой, пыльной занавеской, пытаясь выйти незамеченной и Маша вдруг поняла, что одного откровения с неё хватит. Подобралась, крепче сжала в руках пышные, всё в оборках и рюшках платья и шагнула в темноту коридора.

– Портьеры пыльные на сцене, стирать пора! – Бросила Арно, заглянув в комнату, которую Мари делила с гримёром Натальей – рыжей, кудрявой, разбитной бабёнкой.

Так и не дожидая Мари до того момента, когда костюмеру выделяют отдельное помещение под мастерскую. А потому приходилось скитаться ей по углам, облачая актёров в метаниях между складом реквизита и гримёрками.

– Пыльные, так возьми и постирай! – Фыркнула Наталья, откладывая чёрный, будто угольный карандаш для глаз, и посмотрела на соперницу Мари. Только что театральная костюмерша поделилась с гримёром своим «горем».

– Пф-ф, – бросила прима презрительно. – Ещё чего! У нас на это дело Машка есть.

И ведь не обозвала даже, но почему же так обидно?

– Мари-костюмер, а не прачка. Ясно? – Отрезала Наталья, вступившись за подругу.

Гримёр – это вам не швея, которую в театре принято называть костюмером. Гримёр, если ему надерзить, может сделать такой мажиг, что мало не покажется. А потому Полин промолчала, не желая связываться с Натальей. Ей ещё вечером на сцену выходить. Прима фыркнула, кинула на костюмершу презрительный взгляд и исчезла из комнаты, громко хлопнув старой, фанерной дверью.

Мари поёжилась.

– Ну, зачем ты так, Наташ?

– Ха! Ещё спрашиваешь?! – Наталья прильнула к зеркалу и, прищурившись, принялась поправлять стрелки-чёрные, жирные, вразлёт, но очень ей идущие. – Да потому, дорогая Мари, что, раз не можешь ты сама защититься от всяких там прош...профурсеток, то должен же хоть кто-то поставить её на место?

– Она – прима! – Обречённо сказала Маша, старательно расправляя рюши на платье к вечернему выступлению.

– Это не мешает ей быть, сама знаешь кем. – Наталья послунывила карандаш и дорисовала стрелку. – А тебе давно пора научиться быть чуть смелее и отстаивать своё счастье. Зубами его выгрызай! Сейчас время такое, Мари, что за мужика надо бороться! А ты Геру отдаёшь без боя.

Девушка лишь вздохнула тяжело, слушая эту отповедь.

– Хотя, если честно, – добавила гримёрша и повернулась к Машке. – Гера-то ещё «счастье». И, может, даже хорошо, что он наконец от тебя отстанет. А то так бы и ходила всю жизнь за ним тенью.

Маша чуть слышно всхлипнула. И чтобы хоть как-то замаскировать этот свой то ли вздох, то ли всхлип по утраченному женскому счастью, она нарочито громко громыкнула утюгом, обрушив его на тяжёлую парчу, из которой было пошито платье.

– Ты не понимаешь, Наташ! Все гении, все великие люди твои, благодаря своим неприметным половинкам. Вспомни Софью Андреевну Толстую! Она же, как секретарь, переписывала рукописи Льва Николаевича по множеству раз. А Вера Николаевна Муромцева, жена Бунина? Все великие были обязаны своим половинкам тем, что могли отринуть быт и творить.

– Ну, ты замахнулась, подруга! Сравнила тоже! – Ошарашенно уставилась на Мари гримёрша. – Где Толстой и где наш Герман?

В коридоре послышался визг, истеричный ор, и Маша с Натальей высунулись из своих покоев разузнать, что же там происходит.

– Она специально, специально! – Вопила Полин, картинно рыдая.

В тусклом освещении было сложно понять, в чём дело. Маша, подталкиваемая Натальей, вывалилась в коридор.

– Что ты орёшь, Полина? – Спросила гримёрша.

– Вот, видишь, что Машка наделала? – Визжала новоявленная прима.

– Что? Здесь? Происходит? – Громогласно завопил режиссёр Иван Денисович, возникнув в тёмном коридоре внезапно.

Он чертыхнулся, споткнувшись о швабру, небрежно брошенную уборщицей Клавой. Зазвенели, падая ведра, и Денисович, полетев на пол за ними вслед и матерясь не хуже портового грузчика, обложил четырёхэтажным всех служащих театра.

Любопытные зеваки попрятались за двери. Машка же, будучи сердобольной, бросилась к режиссёру, помогая тому встать.

– Вот, это она, она всё испортила! – Визжала Полин, тыча изящной ручкой в Мари. – Платье для второго акта мне порвала. Она последняя его трогала. Как теперь быть, Иван Денисович?

Режиссёр посмотрел на Машку снизу-вверх и, игнорируя её протянутую руку, поднялся с пола самостоятельно.

– Значит, имущество портишь?

Машка ошалело глядела на режиссёра, на Полину, на застывшую в дверях Наталью и не понимала, что вообще сейчас творится? Разве можно действовать так топорно? Обвинять её, Мари в порче того, что она сама же столько вечеров сначала рисовала, а потом кропотливо шила? Обвинить на пустом месте только ради того, чтобы соперницу убрать с дороги?

– А всё потому, что мы с Германом любим друг друга. Ей это покоя не даёт!

Все свидетели сей некрасивой сцены уставились разом на Машу, и она покраснела, как рак. Видимо, Полин решила не дожидаться, пока Герман соберётся рассказать теперь уже бывшей пассии правду.

Ну всё, с неё хватит!

Глава 2. Увольнение, ставшее командировкой

– А я не подпишу, повторяю тебе еще раз! – Сказал худрук и устало прикрыл глаза.

Как ему все очертенело! Эти вечные разборки, скандалы и интриги между театральным людом. А ему, между прочим, ехать финансирование выбивать в департамент и ремонт надо было начинать еще вчера – штукатурка, вон, сыплется с потолка и так и норовит на голову зрителям упасть.

– Ну, пожалуйста, Пал Сергеич! – Почти прошептала, особо ни на что не надеясь, Мари.

– Нет! Нет и еще раз нет, Мария Карловна! Где я перед началом сезона костюмера найду?

Павел Сергеевич Громов, поджарый мужчина пятидесяти лет отроду с висками, посеребренными немилосердным временем, был непреклонен. И Мари бы радоваться, ведь, руководство ее ценит, да только как представляла она, что снова нужно будет работать бок о бок с Полиной и Геной, ой, Германом, так дурно становилось. А ей ещё силы нужны, чтобы выставить изменника из квартиры.

– Я не смогу рядом с ними... – Всхлипнула Маша, признаваясь.

Характер она имела такой, что спорить и отстаивать свою точку зрения не умела. В мыслях представляла, конечно, мол, как скажет сейчас резко и четко – скажет, как отрежет. А в реальности выходило что-то несвязное и сопливое. Одним словом, тургеневская барышня, которая в этот жестокий век зачем-то народилась тридцать лет назад в самом центре Москвы.

Пал Сергеич поморщился раздраженно. Он не терпел женских слез.

– Давайте без воды, прошу Вас! Ну, что вы хотите от меня в конце концов? Давайте, я отправлю вас в отпуск, а? Развеетесь, успокоитесь. Костюмы у вас готовы, так что мы тут справимся пару недель.

Мари уставилась на худрука. Отпуск – это, конечно, хорошо. Отпуск – это мечта. В отпуске она не была года три. Да только как это решит её проблему? После отпуска все равно возвращаться в театр и опять лицеизреть эту сладкую парочку. А это было невозможно!

Павел Сергеич жестом дал понять, что разговор окончен. Мари послушно встала. На лице ее читалась такая безысходность, что худрук на миг задумался.

– Хотя, знаете... У меня есть идея получше. – Павел Сергеевич постучал карандашом по поверхности стола и жестом пригласил Машу присесть обратно. – А давайте я вас, Машенька, отправлю в командировку?

У Мари брови поползли вверх. Куда? В командировку? За пять лет службы при театре никогда она не ездила ни в какие командировки. Гастроли в межсезонье – вот максимум. Но разве ж можно это называть командировкой? В нормальной командировке люди работают и успевают осмотреть город, отдохнуть, погулять, а тут, как взмыленная лошадь, носишься между спектаклями, на ходу подлатывая вечно рвущиеся костюмы, а осмотреть окрестности можно только в дороге между городами. Но полей и лесов в своей жизни она видела итак предостаточно.

– Послушайте, Мари! – Стал вдруг необыкновенно добр и словоохотлив Пал Сергеич. Глаза его загорелись каким-то новым, невиданным Маше доселе огнем – заблестели, будто только что и не сидел перед ней уставший человек. – Мой старый приятель занимается проведением дворянских балов в Петербурге. Он просил у меня консультацию по костюму. Но я отмахнулся. А вы-то у нас костюмер, Мари! Вот и поезжайте в Петербург, погуляйте по городу, подышите Балтикой, прочтите лекции увлеченным нарядами прошлого. У них там целый фестиваль намечается, насколько я помню. Вот и развейтесь, поучаствуйте в культурной жизни, как зритель. А я пока придумаю, что делать с Полиной. Совсем ей слава примы вскрыжила голову. Негоже так! Потом у нас гастроли, опять же, впереди. А осенью, дай Бог, что-то изменится!

Мари ничего не оставалось, как согласиться. Нет, она могла бы, наверное, поспорить, стукнуть каблуком, бросить заявление на стол, только, ведь, и работу свою она любила, и театр. И даже Пал Сергеича, тьфу на него! Он – отличный руководитель. Другой бы подмахнул, не глядя, ее бумажку, а он пытается войти в положение, найти выход. Ну, и как подвести такого человека? Мари неуверенно забрала свой листок и, сложив его в несколько раз, встала.

– Вот и ладно, вот и чудесно, Мария Карловна! Ступайте, милая! Командировочные и все документы в бухгалтерии заберете. – Отмахнулся худрук и вперился взглядом в компьютер, изучая смету предстоящего ремонта.

Маша кивнула и вышла. Нельзя сказать, чтобы она была полностью довольна исходом дела. Все-таки это-только отсрочка, а не решение. Но уж что есть. Гораздо больше Мари тревожил предстоящий вечер. После сцены в коридоре между ней и Полин, Герман бросил на Машу вполне красноречивый взгляд. И девушка поняла, что сегодня их ждет даже не концерт, нет, целое представление для одного лишь зрителя – для ее маменьки. И чем закончится этот вечер предугадать было совершенно невозможно.